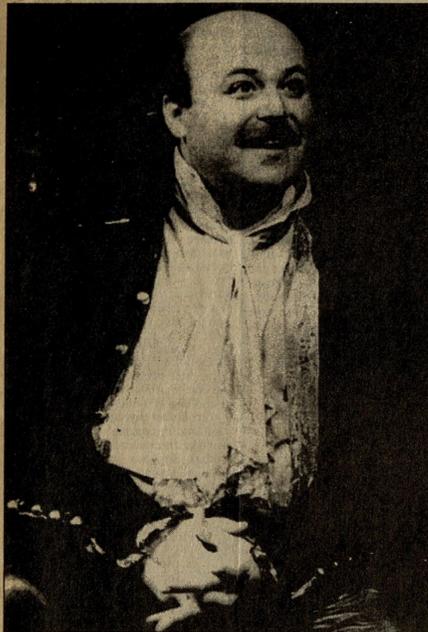

Персоны

НЕПОСЛУШНЫЙ МАЛЬЧИК-ПАЙ

Независимая газ. - 1998 - 28 марта с. 11

«Деловой человек» — одна из самых удачных ролей, сыгранных Александром Калягиным за последнее время

В роли Оргона. Фото АИП

Ольга Егосина

АЛЕКСАНДР КАЛЯГИН — один из немногих на сегодня людей, которых любят, не зная на собственную политическую и иную ориентацию, возраст и социальное положение. Любят коллеги и чиновники, бизнесмены и бабушки, торгующие у метро газетками, сигаретами и бессмертной души. Этой любви не мешают ни его затянувшееся отсутствие на киноэкране, ни его начальническое кресло председателя СТД, ни — что гораздо разрушительнее — его полонизированная удачливость в достижении цели почти немалым количеством изумительных ролей своего театра, и не где-нибудь — на Новом Арбате. Пожалуй, Калягину могут простить и белый «Мерседес» (если он когда-нибудь его купит), и визит президента на какой-нибудь юбилей. Снисходительно-любознательное, нежно-любующее отношение к «нашей тетушке» ничем не поколебает.

Артистов принято любить. И корни этой любви, в которой намешаны и снисходительность, и зависть, скрываются где-то в глубинах подсознания. Если поверить классику и предположить, что «все мы актеры в Театре Господа Бога», останется только изумляться малому количеству профессионалов среди огромной толпы любителей. Как бездарно мы играем себя-мужей и себя-жен, себя-начальников и себя-подчиненных, себя-родителей и себя-влюбленных!

Может, поэтому с таким жадным интересом мы и вглядываемся в актеров («глумоворцев», «кошунников», «скоморохов», «лишних»), особенно тех, кто имеет законное право замечать: «Замрите, ангелы, смотрите — я играю», — в актеров не только по профессии, но и по призванию, и по крови. Дело не в табели о рангах или мастерстве, а в том, что именно Калягин стал в нашей жизни символом актера, у которого не существует рамочной ампулы, который с равным успехом играет добродушного и простилишь, мужчин и женщин, вождя и прохиндея, который наверняка может сыграть отблеск лунного света на воде или голубую кошку.

Тяга любителей к профессионалу плюс то самое прелестное обаяние, которое кажется настолько неотделимым от человека, что приобретает в качестве эпитета фамилию: «леоновское», «евстигнеевское», «ефремовское». Наконец, «калягинское» — застенчивое мальчишеское обаяние «баби из приличной семьи». Эти школьнические черты особенно трогательны в зрелом, расцвевшем и чуть шипящем мужчине. Больше раннее когда-то прозвище «маменькин сынок» оказалось подарком не менее ценным, чем мальчишеская легкость и доверчивость в общении с миром, непрерывающаяся связь с собственным детством, которая является самым ценным наследством любимых и балованных детей. Недаром как-то он обмолвился: «Вспомните наши детские страхи, радости, одиночества — какие они теперешние».

В своих многочисленных интервью Александр Калягин всегда подчеркивает, что актером хотел стать с детства и никогда не мечтал о другой профессии. Более того, когда его дочь спросила, не стоит ли и ей попробовать свои силы на сцене, воскликнул: «Если ты можешь себя представить в каком-то другом деле, актриса из тебя не выйдет! Это профессия для одержимых». Как положено будущему актеру, он рано узнал радость веселого безудержного лицедейства, дуракования, открытого пародирования друзей, учителей, знакомых. Был и традиционный набор. Неприменные письма кумирам (боготворил Аркадия Райкина и Чарли Чаплина): Чаплину, по понятным причинам, писать не стал, а Райкин в восторженном лепете тринадцатилетнего папана откликнулся, прилежав обстоятельное письмо (оно Калягину хранится до сих пор). Были кружки художественного чтения. Был — неприменный спутник любых театральных биографий — картонный детский театр, где разглагольствовали пьески для соседей по коммунальной квартире.

Любительно проследить метаморфозы этой театральной коробочки, превратившейся в конце концов во вполне всамделишный и даже роскошный зал «Et cetera».

Любительно понять, что осталось от простодушной увлеченности семилетнего мальчика в восторженности, с какой пятидесятилетний Александр Александрович Калягин строит собственный театр. Тем более, что сам он связать это, скорее, подчеркивает. Кто бы еще решился на провокационный вопрос жены: «Ну, и на сколько, по-твоему, лет ты выглядишь?» — отвернувшись от зеркала, роскошно ответить: «На семь. Как был дураком, так дураком и остался!»

Эта завидное самочувствие у Калягина вряд ли случайность: скорее позиция и норма существования. В конце концов вполне возможно, что в самом деле великодушный, знаменитый Калягин — лишь маска озорного семилетнего школьника (дети обожают играть во взрослых в их проблемы и заботы). По крайней мере во всех перипетиях нелегкого (а у кого он бывает легким?) жизненного пути Калягина сохранил своеобразное свойство детей и авантюристов — отношение к жизни, как к партнеру по игре. Партнеру увлекательному, непредсказуемому, коварному, способному на выпалы из-за угла и довольно подлые подножки.

Задача — вовремя увернуться, элегантно отскокить или уж плюхнуться так, чтобы это было смешно, чтобы это было зрелище. Чтобы он сам и возможные зрители получили удовольствие от этой игры со случаем. Так, даже рассердившись или ударившись, ребенок ревет во весь голос, но ревет с наслаждением от самого рева, от возможности вот так, самозабвенно, выплакаться. Ибо любая самозабвенность предполагает толику удовольствия.

Это свойство счастливой самозабвенности в общении с миром одновременно привлекает и раздражает. Черт возьми, почему? Почему все падают, а он покоряет? Почему все мучаются, а он получает удовольствие? Он включает в игру мгновенно (еще точнее было бы сказать, что «обнаряжает» любой жизненный жест). К примеру, кто-то начинает ломиться в наглухо закрытую дверь его кабинета в СТД. Как поступить? Не заметить? Объяснить, что вход дальше по коридору? Послать к черту? Серьезный председатель немедленно откликнется: «Толкайте сильнее, наверное, замок заело...» И несколько минут с азартом поднимает растерявшуюся даму за дверью, разыгрывая чудный этюд для корреспондентки, себя да еще Господа Бога.

В представлении о кровавом и мучительном актерском деле Калягин внес привлекательную ноту беспечного баловства. Как иначе расценить его шокирующее признание, что актер — профессия для ленивых? Судите сами: балерина — целый день у станка, музыкант — часами разыгрывает гаммы, а актер на все пристраивания и указания своих режиссеров кивает головой, соглашаясь, что надо бы, но тайный голос удерживает его от любых изматывающих упражнений. Так как именно лень — самое надежное убежище таланта. В лукавой интонации так и слышится бархатная хрипотца бесподобного юнца Леопольда, уютно растворившегося в объемном кресле и чуть не мурлыкающего от удовольствия.

Впрочем, доверять этой кошачьей лени опасно. Шелкает внутренний выключатель — и развалившийся котяра превращается в стальную пружину.

Покладистый, уступчивый, настоящий пай-мальчик (мечта об актерском деле, но уступчивости настояния мамы и пошел в медицинское училище), Калягин умеет взорваться в самый неожиданный момент и решиться на поступки непредсказуемые и экстравагантные. Точно внутри у него остается неприкосновенная территория, уступит которую он просто не способен. В один прекрасный день, приехав по вызову «Скорой помощи» к Киевскому вокзалу, медбрат Александр Калягин, аккуратно отодвинув ногой таз, куда неудержимо выпорачивало очередного алкоголика, внезапно и твердо понял, что это дело не для него. И отправился поступать в театральное училище... Потом, позже, он так же резко будет менять театры, уходя из самых благополучных — в неизвестность. Странно, но, как правило, задним числом эти «неблагоприятные» поступки оказываются единственно верными. Поверив в собственное призвание, он еще должен был уступить в нем уступающим. На собеседовании в Шуваловском училище ему сказали прямо и безапелляционно: «У вас хриплый голос и неяркая выраженная внешность».

Пухлый, рано начавший лысеть мальчишко-явно не подходил на ампулу героя-любownika, не было в нем ярко выраженной характерности, да и с социальной характерностью дело обстояло неважно.

Время учебы Калягина — 60-е годы — время триумфов «Современника», «розовских» мальчишек. Время, когда на сцену и на экраны вышла новая генерация актеров, резко сокративших дистанцию между собой и зрительным залом. Актеров, чья личность, казалось, проламывает сквозь черты ролей, чьи убеждения, вера, гражданский пафос, самая манера поведения казались такими родными и близкими зрителю. В них радостно узнавали себя. Личность актера, угадывающаяся за его ролями, казалась интереснее, привлекала больше, чем собственно исполняемая роль. Славное было время. На «Идиота» в БДТ сходили со всей страны, как когда-то во МХАТ, — очистит душу. И Николай Берковский нашел слова, которые смогли выразить это потрясающее впечатление настолько полно, что потом цитировались постоянно: «В исполнении Шкуриновского князь Мышкин — весна весна, та самая ранняя весна, что начинается в воздухе, освещении».

Черты актера-исповедника, актера-трибуна, актера на роль героя времени напротив отсутствовали в индивидуальности Александра Калягина. Его оживили иные герои и иной способ существования в профессии.

От исключения со второго курса училища его спас неожиданный триумф самостоятельной работы по чеховскому рассказу «Свиданье» хотя и состоялось, но... На просмотре сбегалось во училище (был среди зрителей и будущий друг-режиссер, в чьих фильмах он сыграл свои эталонные роли, — Никита Михалков). А вскоре и курс, на котором он учился, получил прозвище — калягинский курс. Как сказано в одной хорошей книге: «Проделав

возраст существования «на аполитию» еще не наступил. Он разрушал чужие судьбы и собственную жизнь не в азарте злобы, но от внутренней пустоты.

Остановившись и задумавшись, он буквально взрывался отчаянием, и каждый взрыв был по выражению Иосифа Бродского, «формой философского бешенства»: слова застревали, он заранее знал, что его попытке объяснить никто не поверит, что все, что он скажет, никому не нужно, и сникал в безысходном молчании. В какой-то момент этот Платонов понимал простую истину, что человеку, который не имеет достаточно смирения, чтобы довольствоваться имеющимся, и не имеет необходимого мужества, чтобы переменить свою жизнь, — такому человеку жить незачем. Он прыгал с обрыва в реку, чтобы утонуть, но красивая смерть ему была не суждена. Попав на отмель, он потом брел как мокрая курица по колена в воде: Калягин играл человека, живущего в ситуации исчерпанного сюжета.

В Платонове Калягин нашел удивительный фокус существования в роли: он весь растворяется в своем персонаже и одновременно точно видит его со стороны, отстранено и холодно. Легко, без натури он скользит между этими крайними точками восприятия или удерживает их одновременно. И нас, зрителей, он втягивает внутрь и заставляет смотреть на его героя из какой-то невозможной дали. И это странное чувство раздвоенности, сбитой дистанции мешает однозначности восприятия.

Его героев трудно определить, с ними трудно соотноситься: они одновременно привлекают и отталкивают, манят и отпугивают. В них почувствовали какую-то новую правду существования, новую форму присутствия актера в роли.

К середине 70-х в обществе заметна усталость от героев, от «идейных тружеников». Их место занимают профессионалы. Идея служения заменяется культом мастерства, умения, «хорошо сделанной роли». Калягин идеально вписывается в облик актера-профессионала, актера, который в рамках своей специальности может все: неправдоподобно, пугающе ши-

кажаться даже от заманчивых предложений, если видит в них опасность самоповтора. Никита Михалков до сих пор иногда вспоминает, как Калягин прятался от своих работодателей, притворяясь по телефону другими голосами...

Корреспонденты интересуются тяготами популярности. И Калягин, великолепно подпрыгивая, с должной долей скромности, объясняет: «Когда я слышу «известный актер Калягин», я всегда помню, какой я был неизвестным».

Сложившись в партнерской работе с Никитой Михалковым, в театре Калягин формировался под мощным излучением Олега Ефремова и Анатолия Эфроса. Что значила для него встреча с Эфросом, Калягин сформулировал на примере неожиданном и убедительном: «Знаешь, иногда встречаешь женщину и говоришь: я вас ждал всю жизнь. Так у меня с Эфросом. Я бегал к нему в театр. Искал старых знакомых, какие-то пути и ниточки. И наконец обиделся».

Сам Анатолий Эфрос вспоминает, что поначалу не слишком интересовался этим актером, а потом произошел внезапный перелом: «Вдруг в один прекрасный день мне стало казаться, что Калягин может сыграть все: и Гамлета, и Федю Протасова, и Оргона. Он умеет что-то сказать так незаметно, что эта незаметность одновременно почему-то выплывает. Выходит на сцену даже несколько мрачноватый, а потом вдруг повернется и что-то вкрадчиво скажет, и неожиданно становится легким-легким, как надувной шарик. Молниеносный, легкий, вкрадчивый».

С Эфросом Калягин работал в постановках «Тартюфа», где он сыграл Оргона, и «Живого трупа», где он сыграл Федю Протасова. Оба спектакля остались в театральных легендах: праздничный, уютный, легкий «Тартюф» и не очень принятый критикой, странный, неровный Федя Протасов. Эфрос оставил в своих книгах зарисовку не какой-то конкретной репетиции, но атмосферы их совместной работы. «Я могу, загнав в бешеный ритм, утомить любого актера — но не Калягина. От моего напора могут устать все — но не Калягин. Он похож на мячик или кубарь — три, четыре часа катается по сцене со страшной силой. Он может упасть, подняться, лечь, снова встать, куда-то броситься. Бегать, снова упасть и снова вскочить. И все время — как налитое яблоко». Именно Эфрос впервые назвал Калягина «эталонным, образцовым актером», выделив в нем ум и неутомимость, абсолютный сценический слух... и особую уютность, с какой он обживается на сцене.

Эфрос же отметил, что есть своя логика в том, что Калягин «в конце концов попал в Художественный театр. Калягин там — «свой среди своих».

Ностальгия обычно затуманивает глаза, и Художественный театр 70-х — середины 80-х является райским видением, неправдоподобным злом, где собрано целое созвездие режиссеров, художников, актеров.

Раздел МХАТа — тема до сих пор болезненно-кровооткающая. Когда-нибудь бесстрастные историки подложат все плюсы и минусы этого события. В полдарочном буклете-памятнике к 70-летию Олега Николаевича Ефремова Калягин скажет: «Я поддерживал Ефремова в этот период, ходил по инстанциям, писал письма. А сейчас думаю: так ли уж он был прав?»

Рушилась МХАТ, рушилась страна, где играл и жил признанный, популярный, востребованный актер Александр Калягин. И десятилетиями, когда принято получать орден и подводить итоги, он оказался в вакууме. «Это был развал всего. Снимались с репертура спектакли. Полетел один из моих любимых — «Тамара» Камы Гинкаса. Все было мучительно. МХАТ ничего предложить не может, Эфрос сам на распутье не находился, Эфрос нет. Гинкас у нас не ставит. Умирают близкие друзья или уходят из театра. В эти годы я перешел из штата на контракт. Кстати, это время полного обвала в кинематографе: фильмы не снимаются, кинопроект развалился. Я не востребован даже тут. Я действительно находился на распутье. Такой классический русский вопрос: что делать?»

Героини русской сказки-притчи две лягушки, попав в горшок с молоком, на него ответили по-разному. Одна, сложив лапки, утонула. Вторая начала энергично барахтаться и в результате сбילה-таки из молока. (Правда, одна мудрая женщина как-то заметила, что из молока сбить масло реально, а вот из дермы — и пробовать бесполезно). То, что Калягину удалось выстоять, переломить ситуацию — признак обнадёживающий.

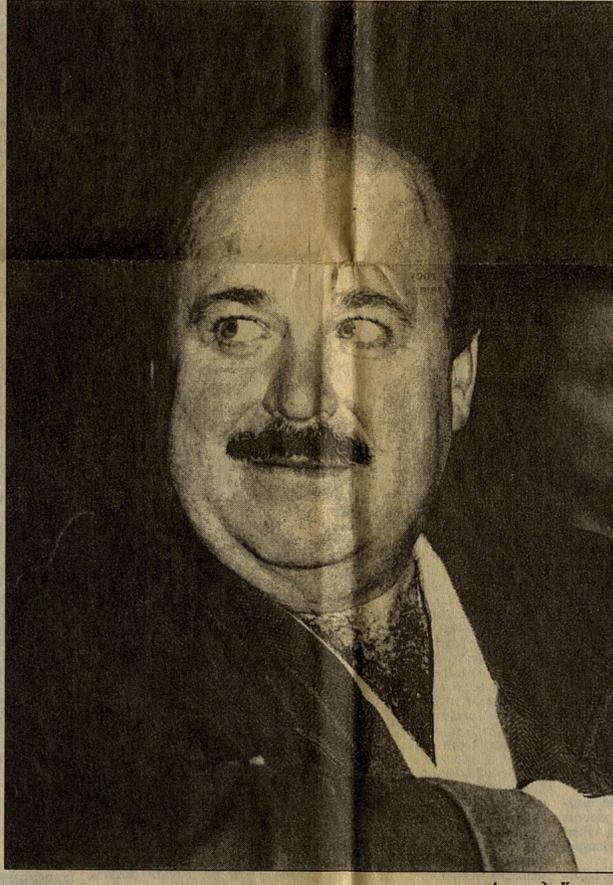
Калягин слишком непостоянным и своеобразным, чтобы назвать его типом времени, но симптомом времени он, безусловно, является. Калягин вошел в меняющийся мир если и без прежнего азарта, то с ясным сознанием цели: «Никогда не думал, что в пятьдесят лет начну осваивать новые профессии, искать себе новые грани применения. Учусь этому, как учился в молодости актерской профессии».

Ниша, в которой он существовал, разрушалась на глазах, и он начал строить новую — свою театр.

Пройдя огонь, воду и медные трубы, пройдя сотни кабинетов, деловых встреч, наглотавшись отказов и обещаний, отлежавшись от инфаркта, поиграв в «азартные игры» с государством, Калягин добился невозможного: он выстроил «Et cetera». Часть опыта общения с чиновниками он вложил в сценарий «Прохиндиада-2», приехав на съемки, рассказывал очередные «хождения по мукам» сценаристу Алексею Гребеневу. В интервью с Романом Должанским на просьбу дать рекомендации на тему «Как создать театр» Калягин охотно от-

В роли Шекспира. Фото Михаила Гутермана

Александр Калягин. Фото Виктора Горячева

В тяжелые годы, когда умерли мать и жена и он остался с маленькой дочкой на руках, он понял, что готов вообще уйти из театра, если это потребует. Но для него есть вещи важнее профессии, карьеры, возможности самореализации. К счастью для нас, не знаю, как для него, он остался в театре, остался актером. Меленное, постепенное движение в профессии оказалось путем к славе. Эзотерическая известность в критическом кругу пришла после роли Поприщина, сыгранной в «Записках сумасшедшего». Славу среди миллионной аудитории принес кинематограф.

Переломной точкой его биографии стало исполнение роли Платонова в фильме Никиты Михалкова «Неоконченная пьеса для механического пианино».

Перебравшаяся оставшаяся в черновиках (не сохранились ни названия, ни точных данных о времени написания) пьеса Чехова, сценаристы Михалков и Алабянья прищипно писали роль главного героя «на Калягина». В отличие от поздних полифонических чеховских пьес эта драма по структуре явно относится к монодрамам, и поэтому в театральных постановках часто называется по фамилии главного героя — «Платонов» (по аналогии с «Ивановым»). Остальные персонажи раскрываются большей частью во взаимоотношениях с ним.

Среди водоворота страстей, измен, любви, нежности и злобы одиноко стоял усталый человек с редкими волосами и тихим голосом. Он явно тяготился своей обязанностью играть роль героя в глазах окружающих, когда на нее нет ни сил, ни воли, ни душевных данных. Опустошенный, усталый, этот Платонов находился в той сложной жизненной поре, когда время жить надеждами уже позади, а

рокий диапазон его ролей, легкость существования в полярных условиях сцены и экрана; виртуозное владение разными жанровыми формами.

Калягин не относится к категории актеров-неожидателей, отпеленных от зрителя непродоходливой стеной, на которых смотрят издали с почтительным восхищением. Он не относится и к актерам, чья личность властно заслоняет создаваемый ими облик персонажа, взрывает любой текст, любые ситуации, актеров, которые остаются самими собой, — и за эту неизменность их и любят. Выделить единый образ «калягинского героя» в сотнях сыгранных им персонажей не удается. Он одинаково убедителен и органичен и в фарсовой тетушке Чарли, и в патетическом Ленине, в трагическом Феде Протасове и в неуловимом Чичикове.

С середины семидесятых годов начинается стремительный взлет. «Свой среди чужих, чужой среди своих», «Раба любви», «Неоконченная пьеса для механического пианино», «Допрос» — в кино. «Здравствуйте, я ваша теть», «Вариант «Омега», «Адам женится на Еве», «Мертвые души» — на телевидении.

Во МХАТе он играет Петра Полуролова («Старый Новый год»), Леню Шиндина («Мя, нижеподписавшиеся»), Леню («Так победим!»), Федю Протасова («Живой труп»), Оргона («Тартюф»), Симона («Тамара») и т.д. Он играет, режиссирует, преподает. Калягин — в кино, на телевидении, в театре, в мультипликациях, на эстраде, на радио. Он везде, он на пике формы.

Работает с Олегом Ефремовым, Анатолием Эфросом, Камой Гинкасом, Никитой Михалковым, Михаилом Швейцером. Специально для него пишутся роли. Он позволяет себе от-

кликнулся: «Нужно сначала долго репетировать, Бог знает, в каких помещениях — от туалета до подворотни, ходить по кабинетам чиновников, упрашивать найти здания, испытывать уныние, когда тебя из него выгонят. Писать, убеждать. Умолять. Войти в политическое движение, кого-то поддержать на выборах, получить инфаркт». Роль делового человека Калягин сыграл с обычной виртуозностью, став не только руководителем театра, но и председателем Союза театральных деятелей.

Себя, правда, на этом посту воспринимает чуть иронически: «Я всегда себя успокаиваю: поломать систему СТД, налаженную уже сто двадцать лет назад, может либо крутой идиот, либо сама жизнь. К идиотам я себя не отношу, хотя со стороны виднее. А если разрушит сама жизнь — тут уж ничто не поможет».

Пожалуй, «деловой человек» — одна из наиболее удачных ролей, сыгранных им за последнее время, более живая, разнообразная и разработанная, чем, скажем, Конкорв в «Женитьбе» или Шекспир в «Смурлой леи сонетов». Калягин вполне убедителен на трибуне, на председателемском кресле, в роли гостеприимного хозяина.

Кому-то кажется, что эта роль сильно мешает Александру Александровичу, кто-то говорит о полублиных возможностях, о несгнанных ролях. Калягин фаталистически отмахивается от слишком назойливых сожалений: ну не сыграл, что делать? Тревожится ли он сам по этому поводу — трудно сказать. Вероятно, опять принимает наступившие времена, в которые именно актер Калягин не очень вписывается. Калягин кажется слишком избитым лицом для сегодняшнего театра и кино: слишком настоящим, слишком изощренным, слишком профессиональным. Слишком многие из его умений сейчас не нужны.

В роли председателя СТД. Фото Михаила Гутермана